

КОМИССИЯ ПО ИСТОРИИ ОКТЯБРЬСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ И Р.К.П. (БОЛЬШЕВИКОВ)

ПРОТОКОЛЫ ВТОРОГО С'ЕЗДА Р.С.Д.Р.П.

„ПРИБОЙ“
РАБОЧЕЕ ИЗД. 1924. ЛЕНИНГРАД

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

И С Т П А Р Т

Комиссия по истории Октябрьской Революции и Р. К. П. (б.)

ПРОТОКОЛЫ Второго Съезда Р. С. - Д. Р. П.

Точная перепечатка с Женевского издания 1903 г. со вступительной статьей, с примечаниями и с заключительной статьей П. Н. ЛЕПЕШИНСКОГО

Рабочее Издательство „П Р И Б О Й“
Ленинград 1924

ПОСЛЕ С'ЕЗДА *)

(1903—1904 г.г.)

*) Статья эта с значительными изменениями была напечатана в № 2
25) «Пролетарской Революции».

I. Реванш меньшевистской оппозиции на с'езде Лиги.

С'ездовская эпопея была только исходным пунктом внутри-партийной борьбы, которая затем развернулась, главным образом, за границей в эмигрантских сферах, очень болезненно отзываясь также и на местной работе русских комитетов.

Потерпевши поражение на с'езде при выборах в Ц. О. и Ц. К., «меньшинство» жаждало реванша. Оппозиция, в лице своих заграничных литературных сил, образовавших генеральный штаб фракции, подвергла центральные учреждения Партии решительному бойкоту. Не только оставались тщетными многочисленные попытки ред. «Искры» (точнее — Ленина) привлечь к работе в Ц. О. бывших редакторов газеты, но и целый ряд работников, под влиянием меньшевистской агитации в пользу бойкота, отошел от работы.

Вскоре заграничным представителям «меньшинства» представился удобный случай отпраздновать свою первую победу над «большинством». В октябре 1903 г. администрация заграничной Лиги русской рев. с.-демократии искусственно подборманным большинством решила созвать 2-й очередной с'езд Лиги вопреки предостерегающему голосу значительной части членов организации из «большинства», предугадывавших скандальный характер задуманного с'езда. Очень плохим предзнаменованием в этом отношении была предс'ездовская полемика представителей лиговской меньшевистской фракции против циркуляра Ц. К., приглашавшего администрацию Лиги, совместно с ним (Ц. К.) заняться делом реорганизации Лиги применительно к директивам на этот счет партийного с'езда. Дейчу, Дану, Мартову и прочим представителям оппозиции эта попытка со стороны Ц. К. вызвать к жизни отрупевшую заграничную организацию русских с.-д.-ов показалась незаконным вмешательством Ц. К. в компетенцию «автономной» Лиги, причем член лиговской администрации Дейч стал открыто призывать своих сотоварищей к прямому неповиновению предложениям Ц. К.

На С'езде сразу же обнаружилось, что оппозиция располагает большинством голосов. Таким образом, судьба всех предложений, которые будут исходить от группы «большинства», была предрешена. Ни одно из этих предложений не имело никаких шансов пройти. О мирной товарищеской реорганизаторской работе не могло быть и речи. На с'езде были представлены не члены единой Партии, а две ее фракции, с ясно выраженными чертами фракционной обособленности и озлобленности партийной оппозиции по отношению к представителям с'ездовского большинства. И в самом деле, вот несколько характерных признаков, по которым смело можно было сказать, что уже на с'езде Лиги меньшевики выступили, как совершенно оформленная фракция, не отступающая перед призраком раскола Партии и идущая ва-банк:

1) У оппозиции получился свой штаб (да еще какой! Мартов, Троцкий, оставшаяся за штатом редакционная тройка, умный меньшевистский Талейран—Дан,—словом, все звезды первой величины).

2) Оппозиция имела своего общепризнанного вождя, от которого исходили яркие лучи фракционного бунтарства. Этим вождем был, несомненно, Мартов («Добролюбов русской социал-демократии», по восторженному отзыву певца в стане меньшевистских воинов—Троцкого), тот самый Мартов, который еще на партийном с'езде, в своем устремлении «эмансипироваться» от Ленина, так круто повернулся на каблучках вправо, что очутился вдруг в объятиях Мартынова и сразу стал вождоленным мессией для всего с'ездовского болога, никак не ожидавшего даже такого приятного сюрприза от «проказницы-истории», напрасно заподозренного впоследствии Аксельродом в намерении подарить «революционной буржуазной демократии вождя из школы ортодоксального революционного марксизма» (очевидный кивок в сторону Ленина).

На с'езде Лиги Мартов ведет себя очень... экспансивно. Получив (без достаточных оснований—с помощью своего большинства) право на «корреферат» о с'езде после доклада единственного делегата, посланного Лигою на партийный с'езд—Ленина, Мартов впадает в раж, вопит о необходимости вмешательства третейского суда для решения вопроса о том, кто «солгал»,—Ленин или он,—кто «обманул Партию», кто «недостойн занимать ответственный пост в Партии» и т. д., и т. д. Он нашел, наконец, повод и случай, подменяя политические вопросы и принципиальную полемику бытательскими темными намеками на чьи-то интриги, обман, подвохи и т. п., самым неумеренным образом апеллировать к чувствам и этике эмоционально настроенной «своей» толпы. А такую роскошь может себе позволить, конечно, не ответ-

ственный вождь Партии, а только, пожалуй, лидер безответственной оппозиции, с которого все взятки гладки и которому важно «для почина» заработать хотя бы на шумном скандальчике, на дешевых рукоплесканиях злорадствующей «дружины» и на «оглушении» противника.

3) У оппозиции замечается удивительная фракционная дисциплинированность. Все члены ее дружно, как один человек, голосуют за «свои» предложения. Не было ни одного случая, когда бы Плеханову или Ленину удалось убедить хоть «единого из малых сих» и разбить голоса компактного лиговского большинства. После ухода со с'езда «врагов» (это случилось, когда Лига оказала прямое сопротивление требованию представителя Ц. К., который объявил собрание незаконным и, удаляясь, предложил «всем подчиняющимся постановлению Ц. К.», *) последовать за ним), вся оппозиция провожала уходивших криками: «долгой полицию! Долгой жандармов! Вы—немецкие шупмана!»—И затем единогласно приняла резолюцию Мартова о «странности» поведения члена Ц. К. Еще раньше, во время демонстративного отсутствия большевиков на заседании, когда распоясавшийся Мартов, в качестве содокладчика Ленина о партийном с'езде, пожинал плоды своего реванша, почти все резолюции (Троцкого, Дана и К^о) принимались послушным «с'ездом» без возражений, при нуле «против»... Удивительно, как спелись люди!

4) В то же время фракционная дисциплинированность нисколько не мешает оппозиционерам походя рвать Партию своими анархическими выпадами против нее. Если даже предположить, что эксцессы бурного протеста со стороны лиговского большинства (т. е. меньшевиков) против выступления представителя Ц. К. были вызваны особенностями психологического момента и не типичны в качестве образчика усвоенной меньшевиками практики их перманентной борьбы с центральными учреждениями, то вот каково было тогда же чисто теоретическое понимание Мартовым партийной дисциплины (не опротестованное его единомышленниками): «Тов. Плеханов спрашивает меня, как быть, если Ц. К. не утвердит устава? Я его спрошу: как быть, если Ц. К. не утвердит передовой статьи тов. Плеханова в «Искре»? Так и будет,—и передовая статья останется, и устав наш останется, а тем паче—организация» **). А то вот и еще очень характерное признание того же меньшевистского вождя: «Мы упомянули вчера в нашей резолюции, что подчиняемся партийному уставу, но не определили, кому интерпретировать этот устав. Я думаю, что в конечном счете будет интер-

*) «Комментарий» к протоколам второго с'езда Лиги, стр. 20.

**) Прот. Лиги, стр. 101.

претировать его тот, кто будет это делать наиболее толково. (Плеханов: А кто решит, кто толков?). Борьба решит. (Ага!)» *).

Под знаком такой анархической точки зрения прошел весь эпизод с выработкой устава Лиги. Чтобы закрепить за собой влияние в Лиге, «меньшинство» устранило законное право Ц. К. вводить в организацию по своей инициативе новых членов (пусть, мол, если хочет, апеллирует на постановления Лиги о кооптации или исключении членов в Совет, а сам и носа своего не сует в дела Лиги). Затем меньшевистская Лига уставно закрепила за собою право самостоятельного издания и распространения партийной литературы. Наконец, тем же большинством был принят пункт, бронирующий устав Лиги от попыток Ц. К. внести в него те или иные изменения: «Изменения в уставе Лиги принимаются лишь на очередных съездах» и т. д.

Таким образом, меньшевики устроили для себя из заграничной Лиги великолепный форт. Ц. К. будет бессилён «обезвредить» эту неприступную крепость, а засевшие в ней Мартовы и Даны великолепно будут обстреливать из нее своими фракционными брошюрами и листовками не только заграничную часть русской социал-демократии, но и работающие в России большевистские комитеты. Не даром ведь Лига уставно объявила себя конкурентом Ц. К. и Ц. О. по части издания и распространения партийной литературы! Одним словом—на войне, как на войне. Борьба решит, кто прав, кто виноват и как нужно «по своему» понимать и толковать устав Партии.

— Ага, господа законопослушные, вы несогласны с этим? В таком случае не угодно ли идти на раскол. Мы же готовы на все...—таков был смысл всех выступлений партийной оппозиции на Лиге.

Но «законопослушные», и в первую очередь сам воинственный Плеханов, в ужасе стали отступать перед призраком раскола. В лагере большевиков решено было отойти на вторые позиции, оставивши завоеванную меньшевиками крепость в их руках. Когда последняя попытка воздействовать на лиговских озорников через Совет Партии кончилась неудачей (администрация Лиги в лице ее меньшевистской части просто решила не подчиниться Совету), Плеханов и Ц. К. повели с оппозицией переговоры о мире. Но тут уж начинается новая страница в эпоху той неудержимой, как лавина, борьбы, которую меньшевики повели в целях ликвидации оставленного 2-м съездом Партии организационного партийного наследства.

*) Протоколы Лиги, стр. 104.

II. «Меньшинство» овладевает вторым фортом.

Между сторонами начался «принципиальный» разговор. — Ваши условия? — галантно спрашивает Ц. К. у оппозиции.

— О, мне лишнего не нужно, — скромничает оппозиция. — Я попрошу у вас только четырех вещей: 1) кооптации четырех бывших редакторов в Ц. О., 2) кооптации определенного числа членов в Ц. К., 3) обеспечения двух мест в Совете и 4) признания законности с'езда Лиги и ее администрации *).

— Невозможно! — нервничает Ц. К. — Это же ведь неслыханная цена... Лойальность на рынке котируется сейчас, поверьте на совесть, дешевле... Ну, пусть даже кооптация четверки в Ц. О.; ну, дам вам, пожалуй, два места в Ц. К.; но, давайте, сойдемся на одном месте в Совете для вашей милости... А что касается подчинения Лиги постановлению Ц. К. и Совета Партии, то, право же, на это вы должны согласиться... Уж лучше я вас ублажусь какой-нибудь другой уступочкой. Вот, например, я «независимо от исхода настоящих переговоров, готов разрешить членам оппозиции отдельную литературную группу и дать ей право представительства на с'езде Партии»... Это моя последняя цена («ультиматум») **).

— Пхе... — вздергивает носик, зная себе цену оппозиция. — Какой невежа и нахал!.. Что это означает — ультиматум?.. А если я захочу наплевать на вашу последнюю цену?.. Что же вы — из пистолета меня застрелите, что ли?.. А потом ведь и то надо сказать, что я люблю разговаривать с симпатичным Георгием Валентиновичем, а его то, как раз, вы и не прихватили с собою для галантной беседы со мной... Помимо же всего прочего — тут бойкая дамочка преехидно скосила глаза на своего красного, как рак, и вспотевшего собеседника, — ведь «Ц. К.-у уставом Партии не предоставлено раздавать места в Ц. О. Партии»... А я, как вы знаете, привыкла, чтобы все было по закону... Да и напрасно вы хлопотаете о местечке для меня в Совете, «так как достаточной гарантией нормального и достойного отправления Советом своей функции при настоящих условиях мы (т. е. оппозиция) считаем совершенное сегодня т. Плехановым пополнение редакции Ц. О. четырьмя бывшими редакторами «Искры»... О подчинении же постановлению Совета не может быть и речи, ибо о таком постановлении я и слыхом не

*) Эти условия составляют содержание письма Старовера (уполномоченного оппозицией вести переговоры с другой стороной) через Г. В. Плеханова от 3-го ноября 1903 г.

**) Условия Ц. К. изложены в письме его к Староверу от 25/XI—1903 г.

слыхивала... То-есть, было, действительно, постановление, и я одним глазком заглянула в него, но на конверте оказался совершенно не тот адрес: написано «лицам, выбранным в администрацию Лиги большинством съезда», между тем как то вовсе не лица, а товарищи, — и были они выбраны в администрацию не большинством голосов, а единогласно... А в заключение скажу: я женщина чувствительная и воспитанная в приличном пансионе... И если вы, господин Ц. К., не умеете с дамами разговаривать любезно, то убирайтесь к чорту... Никакого дела у нас с вами не получится *)...

После всего вышесказанного читатель сможет по достоинству оценить сердитую реплику Плеханова в его заметке по поводу ленинского письма в редакцию «Искры»: «Почему я вышел из редакции «Искры» (кстати сказать, это прекрасное письмо, очень живо рисующее картину борьбы «принципиальной» оппозиции за изменение состава центров, не было напечатано новой «Искрой» и поэтому издано отдельным листком). Ответ Плеханова на это письмо в № 55 «Искры», между прочим, гласит: «Своим утверждением Ленин пытается набросить моральную тень на мотивы действий половины Партии и большинства редакции «Искры» и свести ведущуюся в Партии борьбу двух организационных тенденций на уровень жалкой и презренной борьбы «из-за мест». Это—дело вкуса и мы не намерены пойти за Лениным по этому пути» и т. д.

Бедный Плеханов! Он сдался на милость победителей (хотя бы и из прекрасных побуждений—для сохранения мира в Партии) и принужден проделывать сверхчеловеческую работу достаточно быстрого превращения из блондина в брюнета, а ведь вчера еще человек бушевал против лиговских анархистов и не помышлял даже «разводиться» с Лениным; сегодня же он должен вести телегу новой «Искры», вздыхая под ярмом той адвокатской роли, которую он принял для-ради обеления (отныне «надолго и всерьез») подмоченной репутации своей новой редакционной «жены», да еще с таким приданым, как Дан, Мартынов и К°. Плеханов вдруг как бы ослеп. Он перестал видеть (а ведь еще вчера обладал вполне нормальным зрением!) совершенно очевидные, ничем не прикрытые, голенькие мотивы меньшевистской борьбы именно из-за местечек. Не было, конечно, надобности эту борьбу квалифицировать в терминах презрения к низменности душевных движений меньшевиков. Не о карьеризме их—в пошлом смысле этого слова—у Ленина шла речь, а

*) Письмо оппозиции «Ц. К.-ту Р. С.-Д. Р. П.» от 26 ноября 1903 г. Несмотря на несколько вольную передачу (в разговорной форме) содержания этого письма (как и предыдущих документов), эта историческая переписка воспроизведена здесь довольно точно.

о том, что борьба за влияние, с помощью обладания руководящими ролями в Партии, вполне допустимая на съезде, не может быть оправдана после съезда, когда воля Партии уже выявилась, и меньшинству ничего другого не остается, как только подчиниться этой воле большинства. Такого сорта борьба после съезда неминуемо должна превратиться в сплошной комок склоки, дрязг и интриганства, независимо от индивидуальных этических свойств людей, ведущих эту борьбу.

Но этого мало. У Плеханова оказалась психология чело века, который ненавидит всеми силами своего вчерашнего союзника именно потому, что он сам изменил этому союзнику, а тот стоит живым укором перед ним и берedit этим своим видом его большую политическую совесть. Поэтому он всячески готов унижить этого невольного виновника своего душевного нарыва, убить его своей иронией, втоптать в грязь... Можно, впрочем, предположить и другой еще мотив тех злобных выступлений против Ленина, которыми Плеханов дебютировал в «Искре» тотчас же после ухода Вл. Ильича из редакции: я, мол, тебя политически раздавлю и уничтожу, чтобы достигнуть хотя бы таким способом единства в Партии, ибо тогда останется только одна сторона, которую я признал за сильнейшую...

Как бы там ни было, однако факт все-таки тот, что Плеханов не поспешил, после того как очутился в дружеских объятиях меньшевиков, на злые, несправедливые и мелочные выпады против Ленина. Владимиру Ильичу с некоторой брезгливостью приходилось реагировать на этот пулеметный обстрел его из новой «Искры», и мы в качестве образчика его ответов приведем несколько отрывков из его письма от 20 февр. 1904 г., напечатанного в брошюре «Комментарий к протоколам второго съезда загр. Лиги». Полное сдержанности и достоинства, оно является, на-ряду с письмом «Почему я вышел из ред. «Искры» (перепечатано в IV т. Собр. Соч. Ленина), одним из лучших литературных источников, по которым можно было бы реставрировать картину первых моментов после-съездовского размежевания между левым и правым крылом Партии.

Плеханов в письме к Мартову от 29 янв. 1904 г., использованном автором «Осадного Положения» в полемических целях, находит неточным изложение обстоятельств выхода из редакции Ленина в письме этого последнего «Отчего я вышел из ред. «Искры». В качестве корректива к этим неточностям Плеханов вспоминает некоторые фразы Ленина, брошенные в частном разговоре. Ленин находит ссылки на частные разговоры верным признаком отсутствия серьезных аргументов. Но раз уже Плеханов допустил эти ссылки, то Ленин, в свою очередь, считает себя в праве пояснить и дополнить их:

Первый разговор, когда тов. Плеханов говорил о своем решении выйти в отставку в случае моего безусловного несогласия на кооптацию, имел место в день окончания съезда Лиги, вечером, и на другой день утром, в присутствии двух членов Совета Партии. Разговор вращался около вопроса об уступках оппозиции. Плеханов настаивал на необходимости уступить, считая несомненным, что оппозиция не подчинится никакому постановлению Совета Партии и что полный раскол Партии может произойти немедленно. Я настаивал на том, что после происшедшего в Лиге, после принятых на ее съезде мер представителя Ц. К. (а тов. Плеханов участвовал в обсуждении каждой из этих мер и всецело одобрял их)—уступать анархическому индивидуализму невозможно и что выступление особой литературной группы (которую я неоднократно в разговорах с Плехановым признавал вполне допустимой, вопреки его мнению), еще не обязательно, может быть, означает раскол. Когда разговор свелся к выходу в отставку одного из нас, то я тотчас сказал, что уйду я, не желая мешать Плеханову попытаться уладить конфликт, попытаться избежать того, что он считал расколом.

Тов. Плеханов так любезен ко мне теперь, что не может найти иных мотивов моего шага, кроме самой трусливой увертливости. Чтобы изобразить это мое свойство в самых живых красках, тов. Плеханов приписывает мне слова: «всякий скажет: очевидно, Ленин неправ, если с ним разошелся Плеханов».

Краски наложены густо, что и говорит! Так густо, что выходит даже незамечаемая тов. Плехановым явная несообразность. Если бы я был уверен, что «всякий» найдет правым Плеханова (как Плеханов скромно думает про себя) и если бы я считал необходимым считаться с мнением этого всякого, то очевидно, что я никогда бы не решился разойтись с Плехановым, что я пошел бы за ним и в этом случае. Тов. Плеханов, желая представить мое поведение самым что ни на есть дурным и вытекающим из сквернейших мотивов, приписал мне мотив, лишенный всякого смысла. Я будто бы так боялся в чем бы то ни было разойтись с Плехановым, что — разошелся с ним. Некругло выходит это у тов. Плеханова.

На самом деле, моя мысль была: уж лучше я выйду, потому что иначе мое особое мнение послужит поводом попыткам заключить мир со стороны Плеханова. Попыткам я мешать не хочу; может быть, мы сойдемся и на условиях мира, но отвечать за редакцию, которой таким образом навязывает кандидатов заграничная кружковщина, не считаю возможным.

Несколько дней спустя, я, действительно, зашел к Плеханову вместе с одним членом Совета, а разговор наш с Плехановым принял такой ход.

— Знаете, бывают иногда такие скандальные жены, сказал Плеханов, что им необходимо уступить, во избежание истерики и громкого скандала перед публикой.

— Может быть,—ответил я,—но надо уступить так, чтобы сохранить за собой силу не допустить еще большего «скандала».

— Ну, а уйти—значит, уже все уступить,—отвечал Плеханов.

— Не всегда,—возразил я, и сослался на пример Черберлэна. Мысль моя была именно та, которую я выражал и печатно: если Плеханову удастся добиться мира, приемлемого и для большинства, в рядах которого Плеханов боролся так долго и так энергично, тогда я тоже войну не начну; если не удастся,—я сохраняю за собой свободу действий, чтобы разоблачить «скандальную жену», если ее не успокоит и не утихомирят даже Плеханов.

«Меньшинство» окончательно нащупало пути для своего самоопределения, и чтобы наилучшим образом охарактеризовать облюбованные им тактические приемы борьбы

с ленинской линией, дадим слово опять-таки самому Ленину, который в цитируемом здесь письме с презрительной усмешкой замечает:

Тактика меньшинства в нашем, так называемом, партийном органе уже определилась. Надо стараться заслонять спорные вопросы и факты, действительно приведшие к нашему расхождению. Надо стараться доказывать, что Мартынов был гораздо ближе к «Искре», чем Ленин, — как именно, в чем именно и насколько именно, это еще долго будет разбирать запутавшаяся редакция новой «Искры». Надо фарисейски осуждать личности в полемике — и на деле сводить всю борьбу к походу против личности, не останавливаясь даже перед приписыванием «врагу» весьма несвязных зловерных качеств, от самой беспашашной прямолинейности до самой трусливой увертливости. Лишь бы крепче выходило. И у наших новых союзников, тов. Плеханова и Мартова, выходит так крепко, что скоро они ни в чем не уступят знаменитым бундовцам, с их знаменитым «поганьем». Союзники так усердно бомбардируют меня с своих бронепоисов, что у меня является мысль: не заговор ли это двух третей ужасной тройки? Не прикинуться ли и мне обиженным? Не завопить ли об «осадном положении»? Ведь это иногда бывает так удобно и так выгодно...

Впрочем, для того, чтобы стать действительным сторонником меньшинства, тов. Плеханову придется еще, пожалуй, сделать два маленьких шага: во-первых, признать, что защищавшаяся тов. Мартовым и Аксельродом на съезде (и усердно замалчиваемая ими теперь) формулировка параграфа первого устава выражает собой не шаг к оппортунизму, не спасование перед буржуазным индивидуализмом, а зерно новых, истинно социал-демократических Акимовски-Мартовских и Мартыновски-Аксельродовских организационных взглядов. Во-вторых, признать, что борьба после съезда с меньшинством была не борьбой против грубых нарушений партийной дисциплины, против агитационных приемов, вызывающих только негодование, не борьбой против анархизма и анархической фразы (см. стр. 17, 96, 97, 98, 101, 102, 104 и много друг. протоколов Лиги), а борьбой против «осадного положения», бюрократизма, формализма и проч.

Как бы то ни было, однако, но и второй форт (да еще какой?) оказался в руках «меньшинства». Ленин отступил на третьи позиции и окопался в Ц. К. Партии.

III. Новое торжество в лагере меньшевиков.

В своей «Истории Росс. с.-демократии» Мартов пишет: «В виду организационного значения, которое, по принятому на съезде уставу, приобретала редакция центрального органа, фактически владевшая отныне и высшим центром Партии — Советом, — большевики укрепились в центральном комитете, в который был кооптирован Н. Ленин, вместе с рядом других деятелей (Л. Красин, Гальперин, Залкинд-Землячка, Мария Розенберг, военный врач Гусарев)».

И действительно, меньшевики стали полными хозяевами Совета Партии. Сплоченная новоискровская тройка (Плеханов,

Мартов и Аксельрод) всегда имели полную возможность майоризировать двух членов Ц. К. (в том числе и Ленина).

В этот период Владимир Ильич всегда шел в Совет, как на Голгофу. Он очень хорошо знал, что его там будут распинать: Мартов всласть покуражится, Плеханов непременно изобразит из себя Юпитера-громовержца... И, в конце концов, вся новоискровская тройка, с прорывающей наружу или еле сдерживаемой улыбкой торжествующих победителей, станет майоризировать его и Ленгника по всем пунктам *).

Но и этим всем «меньшинство» не удовлетворилось. Мартов и К^о задумали выпихнуть большевиков из их последней крепости — из Ц. К. Партии. Благоприятный случай скоро помог не знавшим неудачи завоевателям. После одного из жандармских набегов из 9 человек осталось только 6 человек (из строя выбыли Ленгник - Васильев, М. Розенберг - Зверев и Гусарев). Из числа оставшихся Кржижановский (Травинский) подал в отставку, а Залкинд (Землячка) остальными 3 членами русского Ц. К., без ведома Ленина, была об'явлена вышедшей из Ц. К. Вот эта-то русская тройка (Глебов - Носков, Л. Красин - Никитич и Гальперин - Валентин) решила принять исключительные меры, чтобы Ленина «привести к порядку» и по-своему водворить мир в Партии.

Вот что, между прочим, решила эта почетная тройка на своем летнем (в июле 1904 г.) совещании:

Пункт 11. «Договор, заключенный между тов. Лениным и Глебовым об их взаимном выступлении за границей, как представителей Ц. К., за совместной подписью, считать не согласным с волею Ц. К. и об'явить его утерявшим силу». (N. В. Этот договор, заключенный 26 мая 1904 г., был аннулирован тройкой не потому, что он стеснял в действиях постоянно живущего за границей и естественного заграничного представителя Ц. К. — Ленина, а потому, что он оказался стеснительным для.. Глебова). Пункт 12. «Установить за границей между тов. Глебовым и Лениным следующие отношения: а) тов. Глебову поручается заведывание всеми делами Ц. К. за границей, как-то: сношение с Ц. О., посылка людей в Россию, касса, экспедиция, типография, разрешение к печати в партийной типографии различных произведений и проч. в) Тов. Ленину поручается обслуживание литературных нужд Ц. К. (N. В. Какое мудрое проведение принципа разделения труда!.. Воистину «Мария благоу часть избра...»). Печатание его произведений наравне с произведениями остальных сотрудников Ц. К. происходит каждый раз с согласия коллегии Ц. К.». (N. В. Пусть-ка теперь автор одиозной и непереносной, с точки зрения примиренческих планов Глебова, брошюры «Шаг вперед—два шага назад» — попробует про-

*) Из книги П. Лепешинского. «На повороте».

лезть через игольное ушко глебовской цензуры... Небось, не пролезет!..). Пункт 13. «Решено напомнить тов. Ленину об исполнении его прямых обязанностей перед Ц. К., как литератора. Собрание констатирует печальный факт слабого участия его в литературной деятельности Ц. К. (Н. В. Глебов читает нотацию Ленину: «чего же ты, кляча, упираешься и не выполняешь своих водовозных функций!»).

Дальше идут «хозяйственные» распоряжения в связи с основными принципами нового цекистского курса: заграничную технику возложить на Сюртука (Коппа), который вместе с Глебовым должен «реорганизовать» (т. е., развалить, не оставить камня на камне) постановку технического дела заграницей, отстранить от дела Бонч-Бруевича и других «ленинских ставленников» и т. д. *).

Для борьбы с Лениным «примиренцы» послали за границу в июле же месяце 1904 г. Носкова (Глебова). Он повел решительную атаку на заграничных большевиков. Попытался было наложить свою державную руку на брошюру Ленина «Шаг вперед и т. д.» и задержать распространение этой «вредной» книжки. Потребовал сдачи от большевиков всех находившихся в их руках технических аппаратов («экспедиции», кассы и пр.) и т. д. **). При этом всякий раз, как только он наталкивался на опротестование его требований «твердокаменными» (так называли тогда большевиков их партийные антагонисты), к его услугам всегда был Совет Партии, готовый в любую минуту и по любому поводу распять на кресте ненавистного Ленина, который был, изволите видеть, един-

*) Первые 9 пунктов (и первый абзац 10-го пункта) этого постановления Ц. К. (т. е. тройки) были опубликованы в «заявлении Ц. К.» — в № 72 «Искры». Приводимые же нами цитаты взяты из архивных данных (сообщение Глебова Ленину, от 31 августа 1904 г.). В «заявлении Ц. К.» взят очень «энергичный» «примиренческий» тон. В интересах обеспечения партийного единства «Ц. К. признает немедленное и энергичное вмешательство свое в борьбу группа безусловно необходимым». Необходимо, чтобы его политика «в сфере внутренней-партийной жизни сообразовалась с целью умиротворения и слияния «большинства» и «м. н. ш. ининства» в цельную организацию». Предлагаемый Лениным и вообще большевиками созыв 3-го съезда Партии, как единственный путь к умиротворению Партии, цекистская примиренческая тройка решительно отвергает, как несвоевременный и вредный акт (пункт 8 «заявления»). Но зато у этой тройки есть другой способ привести Партию к единству: Ленина связать по рукам и ногам, пригвоздить его к Ц. О., отдав под контроль Мартова и К^о, умиротворить таким образом меньшевиков и завершить свою примиренческую миссию попыткой «к организации конференции для совместной с представителями товарищей, противопоставляющих себя Ц. К.-ту в качестве «м. н. ш. ининства», выработка тех мер, которые могли бы привести к полному умиротворению Партии».

**) О подвигах Носкова заграницей читатель может найти некоторые интересные данные в издании Истпарта «Техника большевистского подполья», вып. I, в воспоминаниях В. Д. Бонч-Бруевича и в «Приложении» к воспоминаниям: «Дело Бонча и К^о».

ственной тучей рассеяной бури и мешал торжествующим победителям провозгласить: «у нас на Шилке... то бишь — в Партии все обстоит благополучно».

Чтобы охарактеризовать позицию в это время Ленина, имевшего перед собою в качестве злобно настроенных врагов не только из числа рыпарей ново-искровства, выступавших «с открытым забралом», но и вчерашних своих соратников, пошедших в ново-искровскую Каноссу и предательски занесших нож над Партией, обратимся к очень ценному для нас письму Владимира Ильича к Носкову, опубликованному в женевском большевистском издании 1904 г.: Н. Шахов. «Борьба за съезд» *). (Подстрочные примечания к письму всюду мои).

«Тов. Глебову 11/IX 04. У. т. Вы опять повторяете, что пожелание, чтобы я вступил в редакцию Ц. О., выражено «Ц. К.». Вы формально заявили, что известная декларация Ц. К. принята единогласно в полном составе Ц. К., за исключением одного. Я немедленно, еще 18/VIII (04), ответил, что это неправда. Декларацию подписали 3 члена Ц. К. из недавно бывших в нем 9-ти, при чем эти трое совершенно противозаконно объявили не членом Ц. К. т. Осипова **), который письменно заявил мне, что считает себя попрежнему членом Ц. К. Незаконно было объявить выбывшим в отставку товарища, не объяснившись с ним. Оба довода, которыми вы и двое ваших коллег защищали это беззаконие, явно несостоятельны. Вы ссылались на то, что т. Осипов формально заявил о своем выходе в отставку на предыдущем очередном собрании Ц. К. Это неправда, ибо в начале мая, т. е. месяц спустя после этого собрания, имевшего место в феврале или марте, мы считали еще 9 членов Ц. К., что удостоверено договором 26 мая 1904 г., подписанным 3-мя членами Ц. К., и письмом, приложенным к этому договору. Вы ссылаетесь на то, что т. Осипов вошел после упомянутого собрания Ц. К. в один местный комитет, чего член Ц. К. не в праве был бы сделать. На это т. Осипов письменно еще раньше ответил мне, что он поехал принять участие в местной работе по предложению именно тех членов Ц. К., которые теперь объявили его выбывшим, и что работал он не в качестве формального члена комитета. Кроме того, если бы даже имело место неправильное, недопустимое по уставу, вступление члена Ц. К. в местный комитет, то еще ни откуда не следует, чтобы исправление этой неправильности непременно требовало выхода из Ц. К., а не выхода из местного комитета. Наконец, вы сами должны были признать в письме ко мне, что собранию трех членов Ц. К. было

*) Письмо (несколько измененный вариант) напечатано в «Пролет. Революции» № 2 (25).

**) Залкинд—Землячка.

доложено о спорности вопроса на счет отставки т. Осипова. Решение этого вопроса тремя членами Ц. К. в отсутствие Осипова и даже без выслушания мнения Осипова было явным и возмутительным беззаконием. Конечно, 3 члена Ц. К. могли рассчитывать, что их сторону возьмет находящийся в руках редакции Совет Партии; конечно, 3 члена Ц. К. могли опираться на формально заключенную ими или молчаливо признанную сделку с сторонниками меньшинства в Совете. Но подобное обстоятельство не устраняло бы беззакония, а напротив, усиливало бы его элементами политической недобропорядочности. Точно также беззаконно было со стороны 3-х членов Ц. К. принять отставку т. Травинского *), о которой раньше, до собрания, все члены Ц. К. не были уведомлены. Вы до сих пор не могли привести мне точных данных о том, кому и когда заявлена была эта отставка. Вы отделались ответом, который похож на насмешку: «Справьтесь у российской коллегии», — от каковой «коллегии» (все той-же коллегии 3-х) вы только что приехали и с каковой «коллегией» я не имею средств сношения иначе, как через вас!

Таким образом, я оспариваю законность состава Ц. К. и его последнего собрания (на котором принята «декларация»). Я имел бы, поистому, полное право оставить без ответа ваше предложение о вступлении моем в редакцию Ц. О., но я рассматриваю это предложение, как исходящее не от Ц. К., а от 3-х членов Партии, и считаю своим долгом мотивированно ответить на него, тем более, что вы ссылаетесь на выраженное вам письменно желание редакции Ц. О. видеть меня в числе редакторов. Вы полагаете, что мое вступление в редакцию Ц. О. «обеспечило бы почти полный мир в Партии, которого я так хочу». Это ваше «почти» очень характерно! Да, я хочу мира в Партии и предлагал мир печатно в декабре 1903 г. в своем письме в редакцию «Искры» («Почему я вышел из редакции»). Я предлагал еще раз мир официально в Совете Партии в январе 1904 г. Мир не принят был на тех условиях, которые я ставил тогда от имени большинства. Замечу, что вопреки нынешней моде говорить о «мире» лицемерные фразы, понимая под миром полную уступку меньшинству, полное игнорирование большинства и полное забвение съезда, я совершенно определенно указывал в Совете, что я разумею под миром в Партии. Я вместе с моим тогдашним коллегой от Ц. К. в Совете прямо заявил, что под миром разумею очищение идейной борьбы от местнических счетов, дразг и нечестных приемов борьбы. Пусть Ц. О. будет у меньшинства, Ц. К. — у большинства, предлагал я тогда, — призовем всех к прекращению всякого бойкота, всякой местнической, кооптационной дразги, и давайте спорить по-товарищески

*) Г. М. Кржижановского. П. Л.

о наших разногласиях и причинах нашего расхождения на съезде. Давайте приучать Партию к честному и достойному разбору ее внутренних споров. Мой призыв был осмеян Плехановым и Мартовым, и меня не удивляет, что они приняли позорное решение не опубликовывать протоколов Совета (вопреки настояниям меньшинства в Совете, именно обоих представителей от Ц. К.), и что к этому решению присоединились теперь (тайком) 3 члена Ц. К. Кто устраивает лицемерный мир, пользуясь неизбежными в жизни русских революционеров случайностями и вышибая из Ц. К. несогласно мыслящих (это относится прежде всего к т. Осипову, а затем, конечно, и ко мне, ибо предложение вступить в редакцию Ц. О. равносильно предложению уйти из Ц. К.), тот не может не стремиться к скрытию от членов Партии попытки заключить своевременно честный мир. К счастью, я имею основание думать, что эта жалкая уловка, направленная к обману Партии, не удастся и что протоколы Совета в конце концов увидят свет.

После того, как редакция, захватившая Совет, отвергла со смехом мое предложение мира, я заявил тогда же, что единственным честным выходом считаю съезд. Тактику меньшинства (и Плеханова в том числе) держать в своих руках редакцию Ц. О. и Совет, на словах представлять в этих центральных учреждениях интересы всей Партии в целом — и в то же время на деле добиваться, помимо съезда, переделки Ц. К. в интересах меньшинства, — эту тактику я не могу считать честной борьбой. Ни в какие сделки со сторонниками такой тактики я не вступал никогда и не считаю возможным вступать. Кроме того, с января вполне выяснилась физиономия новой «Искры», этого центрального органа сплетен и дразги, путаницы в рассуждениях и заигрывания с оппортунистами, сведения личных счетов и выискивания разногласий.

Что новая «Искра» есть орган кружка, орган нового «направления», это видят теперь все, и даже сама редакция, которая сначала бралась защищать «преемственность», а в настоящее время систематически оплевывает старую «Искру». Спрашивается, в каком же смысле можно теперь говорить о мире? Если понимать под этим очищение идейной борьбы от кооптационной дразги, то я и сейчас вполне готов согласиться на мир и возобновить свое, сделанное в Совете, предложение. Если же разуместь под миром прекращение идейной борьбы, примирение с направлением (или, вернее, с физиономией, лишенной всякого направления) новой «Искры», то такой «мир» могут предлагать только люди беспринципные, или лицемерные, или смотрящие на органы Партии, как на печатную бумагу (*Druckerschwärze* — типографская краска, как называл один из «примиренцев» литературу новой «Искры»). Если редакторы новой «Искры», сведшие почти всю свою «принципиаль-

ную» позицию к личным нападкам на меня, к преследованию того, что они называли «ленинизмом» и к выискиванию разногласий со мной, выражают теперь желание видеть меня в редакции, то они сами признают этим, что смотрят на свои писания не серьезно, что всю полемику они сочиняли «для кооптации» и готовы забросить все свои новые «принципы» после того, как кооптация успешно достигнута. Что касается меня, то я отвергаю, как недостойное, самое предложение о возможности для большинства отказаться от партийной борьбы за свою позицию, борьбы за выдержанное направление, борьбы против кружковщины. Вести эту борьбу я считаю своим неотъемлемым правом и обязанностью вместе с принципиальными сторонниками большинства, число которых возрастает в России. Вести эту борьбу должно, по моему, открыто, ибо ⁹/₁₀ истории конфликта вынесено уже на публику, и всякое дальнейшее скрывание ее от глаз света было-бы мелочным и нелепым затягиванием кризиса.

Вы пишете, что моего вступления в нынешнюю редакцию «Искры» «несомненно желают и многие комитеты». С сожалением констатирую, что вы и на этот раз говорите заведомо неправду. Ни один комитет не выразил еще, при настоящих условиях борьбы, такого желания. Оно выражено только кружком редакторов Ц. О. и тремя членами из Ц. К., которые видят верх политической «мудрости» в том, чтобы с меньшинством ругать большинство, а с большинством—меньшинство. Я позволяю себе думать, что мне следует считаться не с волей тех или иных политиканов, а с волей всей Партии, которая установила сама для себя и способ формального выражения этой воли—с'езд. Я позволяю себе думать, что руководитель, взявший известную линию на с'езде и ведущий по этой линии часть Партии, теряет всякое право на уважение и даже на серьезное отношение к его словам, если переметывается на сторону своих противников.

Ваша ссылка на «многие комитеты» крайне поучительна и знаменательна несмотря на ее... несоответствие с истиной. Эта ссылка свидетельствует о кусочке партийной совести, о наличии некоторого сознания того, что должностные учреждения, назначенные Партией, должны считаться с волей этой Партии предпринимая свои переделки состава и направления центров.

Если-бы это сознание у вас не было омрачено благодаря той запутанной позиции, которую вы заняли, то вы легко увидели бы, что нет иного способа действительно узнать действительное желание действительно многих комитетов, кроме с'езда. Но если ваша ссылка «на многие комитеты» выдает кусочек партийной совести, то в то же время эта ссылка свидетельствует яснее ясного о беспокойной совести. Вы потому и боитесь пуще огня с'езда, что чувствуете во-

пиющее противоречие между своей политикой приключений и волею Партии.

Мои общие соображения относительно лицемерности принятого Вами примирения вполне подтверждаются рядом добавочных фактов. Трое членов Ц. К. восхищаются теперь «высотой» Ц. О., тогда как в марте эти самые три члена Ц. К. составляли заявление с сожалением о том, что некоторые партийные писатели (большинство нынешней редакции Ц. О.) вдалились в оппортунизм. Говоря о «мире», эти три члена Ц. К. в то же время распускают Южное бюро (коллегия агентов Ц. К.) за то, что в нем работали сторонники большинства, имевшие дерзость агитировать за съезд. Говоря о примирении двух борющихся сторон, три члена Ц. К. устраивают конференцию с представителями одной стороны, игнорируя другую. Какой разврат вносится в Партию этими частными, приватными сделками, которые касаются насущных интересов всей Партии и которые так тщательно скрываются от нее, несмотря на отсутствие всякой необходимости в конспиративной тайне. Какая масса взаимного недоверия, подозрительности вносится этими проделками за спиной Партии во всю партийную жизнь!

Сегодня как раз мне пишет из России один товарищ, какие слухи ходят по поводу этих сделок: в меньшинстве образовались 3 части, говорят в партийных кругах; одна требует прежде всего кооптации в Ц. К. (X) и (Y)* и знает больше ничего не хочет; другая соглашается на конференцию; третья удовлетворяется одной декларацией Ц. К., и к этой части относятся «южно-рабоченцы» (вполне справедливо усматривающие в создании популярного органа не что иное, как замаскированное восстановление Южного Рабочего, закрытого съездом). Я не знаю, что есть верного в этих партийных толках. Но что меньшинство состоит из разнообразных групп, что тов. Брукер, напр., совсем, вероятно, не участвует в «ультиматумах» меньшинства и во всей кооптационной дразне, что группа Южн. Раб. представляет из себя значительно особый оттенок, — это все общеизвестные факты, с которыми знаком всякий, изучавший наш партийный съезд. Неужели вы не видите, сколько унижительного в этом торгашестве отдельных групп, происходящем за спиной Партии? Можно ли удивляться, что лицемерие трех членов Ц. К. вызывает полное недоверие к ним со стороны большинства, стоящего в стороне от этих проделок? Можно ли удивляться, что «мир», начатый раскассированием агитирующих за съезд, рассматривается как преддверие систематической подтасовки партийного общественного мнения; что большинство предполагает сделку Ц. К. и Ц. О. (а следовательно и Совета)

*) Вероятно, Троцкого и Дана.

о насильственном введении меньшинства в комитеты, о неопубликовании резолюций большинства (петербургская и екатеринославская резолюции задерживаются не один месяц) и т. д. Надеюсь, вы поймете теперь, почему при данной партийной ситуации не может быть и речи о моем вступлении в редакцию Ц. О.

Ваше заявление, что я «воздержался» от подачи голоса по вопросу о кооптации 3-х в Ц. К., есть неправда. Я решительно протестую против признания «выборов состоявшихся». Это—новое беззаконие. Три члена Ц. К. обязаны рассмотреть все мои протесты и лишь после этого поднимать вопрос о кооптации. По уставу, кооптация—единогласна; моего согласия не было дано. Следовательно, без внесения дела в Совет не может быть и речи о состоявшейся кооптации. Решение Совета (если вы противозаконно внесете туда вопрос о кооптации впредь до проверки состава Ц. К. всеми членами Ц. К.) должно быть сообщено мне вместе с протоколами Совета. Вашего сожаления о том, что нам не пришлось повидаться, я разделить не могу. После ваших проделок с тов. Осиповым и вашего отношения к данному слову (договор 26/V) я никаких сношений с вами, кроме чисто официальных и исключительно письменных, иметь не желаю» *).

Член Ц. К. *Н. Ленин.*

С точки зрения ново-искровцев и дружественной им державы («примиренческого» Ц. К.) Ленин был уже «конченный» человек. Но меньшевики продолжают еще издеваться над побежденным противником: «В виду того, что т. Ленин,—выводит бойкое перо Мартова, секретаря Совета,—в письме своем секретарю Совета приводит подробную мотивировку своего сомнения в законности решения Ц. К. и представляет его представителю прямое обвинение,—Совет, усматривая в этом акте желание т. Ленина подвергнуть конфликт рассмотрению Совета, считает своей партийной обязанностью исполнить это желание т. Ленина и приглашает т. Ленина явиться в заседание Совета в четверг 8 сентября, в 10 ч. утра, в «Café Simon».

От этого любезного приглашения Ленин презрительно отмахнулся.

Носков призадумался: «Придется выбрать кого-нибудь вместо Ленина», — меланхолично замечает он в одном из своих писем.—«Я бы предложил выбрать в Совет Дана или Дейча, при чем точно оговорить, что они уполномачиваются

*) Конец письма, начиная со слов «Вашего сожаления» и т. д.,—взят из варианта, напечатанного в № 2 (25) «Пролетарской Революции»; все остальное почти тождественно с тем текстом, который дан в брошюре Шахова «Борьба за съезд».

лишь для заседания в Совете. Больше выбрать, мне кажется, некого». Несчастный примиренец, под гомерический хохот ново-искровцев, все еще боится пойти слишком далеко в своей дружбе с Данами и Дейчами, все еще оберегает «девственную невинность» якобы не-меньшевистского Ц. К. Вот что, напр., пишет в своем письме один из ново-искровцев по поводу примиренческой политики Глебова и К^о.

«Наконец то мы виделись с шантрапой» (под такой лестной кличкой у автора письма фигурируют добродетельные примиренцы — Носков и К^о)... «Официально кооптировать сейчас не могут, а предлагают фактическую (неофициальную) кооптацию трем лицам из меньшинства (Попову, Фомину, Фишеру). Разумеется, мы с Х. тотчас-же согласились и отныне меньшевистская оппозиция официально упраздняется. Точно гора свалилась с плеч. Предстоит на днях собрание всего Ц. К. вместе с нами, и затем мы назначаем конференцию наиболее близких комитетов... Мы, конечно, вполне уверены, что овладеем Ц. К. и направим его как нам желательно» *).

Глебов и К^о предал дело своих недавних политических союзников, но, конечно, и сам потом был вышвырнут пинком из лагеря торжествующих победителей. Мавр сделал свое дело — и может уходить. В одном из своих писем членам «Коллегии» (т. е. русским членам Ц. К.), оскорбленный в лучших своих чувствах «примиренец» (Глебов) жалуется: «с Ц. О. и Лигой отношения еще не определились. После нашего заявления они, надо сказать, обнаглели, и их аппетиты растут. Положение наше здесь очень трудное: за-граница в руках Лиги, частные источники в руках Ц. О., и потому мы в долгу, как в шелку. Сжимаемый нуждой (на шее до 9.000 долгу), я принужден думать о каком-нибудь исходе. Поэтому я обратился к меньшинству с предложением наметить мне проект желательных для них реформ».

Что касается большевиков, то они, вытиснутые из всех своих позиций, принуждены были признать факт раскола (давно уже, впрочем, вполне очевидный), и им ничего другого не оставалось, как повести энергичную агитацию за III-й съезд с помощью своего собственного органа. Таким образом, был задуман и стал выходить «Вперед», появление которого знаменовало собою эмансипацию большевистских партийных сил от меньшевистских организационных окружений и свободу идейной борьбы вне рамок кооптационной склоки.

*) Эта и последующая цитата взяты из женеvской листовки Н. Ленина «Заявление и документы о разрыве центральных учреждений с партией» листовка, с некоторыми отступлениями от транскрипции оригинала и неточностями, перепечатана в V т. собр. соч. Н. Ленина).

IV. Усердные поиски «меньшинством» принципиальных разногласий.

Но наиболее характерным признаком, выдающим оппортунистическую природу оппозиции «меньшинства», поднявшего знамя восстания против «ига» «самодержавного», «бюрократического», «якобинского», «бонапартистского» и проч. и проч. «большинства», является ее беспринципность на протяжении ближайшего года борьбы, ее бессилие выявить такое особое свое лицо, такую особую тактику или такие программные разногласия, наличие которых позволила бы рассматривать эту борьбу, как средство для достижения больших целей, оправдывающих выбор средств.

Довольно простая сама по себе, проблема о внутрипартийной борьбе различных течений, о допустимых способах этой борьбы, о свободе критики центров и т. д.—для меньшевиков, как для типичнейшей анархической оппозиции, оказалась выше их интеллектуальных ресурсов. Как ни добросовестно Ленин толковывал им, что такое Партия; что такое съезд, каковы должны быть отношения между большинством и меньшинством в рамках оформленной социал-демократической партии,—все его речи на эти темы не вызывали у его оппонентов «просияния мозгов».

— Да,—говорит Ленин,—можно и должно проводить свои взгляды в Партии, но независимо от переделки состава центров.—«Что за комическое положение—тут же возражает на это Мартов—и это говорит тот самый Ленин, который на съезде «проводил свои взгляды в Партии» именно и главным образом методом «переделки личного состава», например, редакции Ц. О.» *).

Заблудившийся в трех соснах новоисковец никак не может понять, что «переделка» того или иного состава на съезде (например, выборы или перевыборы редакции Ц. О., определение состава Ц. К. и т. д.)—совершенно естественная и законная вещь, а «переделка» определенного съездом состава — после съезда — ведет к кооптационным дразгам и должна быть осуждена, как анархическая попытка дезорганизовать Партию и привести ее к расколу.

Но Мартов — грамотный человек. У него на все готов ответ, и вот он с большим ехидством напоминает две тирады: одну из «Что делать?» о том, что «для избавления от негодного члена организация настоящих революционеров не останавливается ни перед какими средствами» (курсив наш — предупреждает Мартов) и другую тираду из «Письма к Пе-

*) См. брошюру Мартова «Борьба с осадным положением» в Р. С.-Д. Р. П., стр. 10.

тербургскому товарищу», поясняющую, какими средствами подчиненные комитету группы могут, в случае надобности, бороться со своими облеченными громадной властью учреждениями. Такими средствами, по Ленину, могут быть лишь «меры товарищеского воздействия», начиная с резолюций всех и всяческих подгрупп, продолжая обращением их к Ц. О. и Ц. К. и кончая (в худшем случае) свержением совершенно неспособной власти.

«Нельзя лучше доказать политическую дряблость этого, так называемого, «твердого» направления, — торжествует Мартов,—как продемонстрировать это вопиющее противоречие между революционной фразеологией вчерашнего дня и канцелярски-бонапартистской—сегодня *).

Правда, у Ленина в «Письме к товарищу» речь идет не о борьбе с Ц. О. и Ц. К., а о способах воздействия на случайно оказавшееся в местном центре (комитете) неспособное лицо. Отсюда до революционных методов борьбы против всех центральных учреждений Партии, в особенности, сейчас же после съезда и в связи со съездом—еще очень далеко. Но дело не в этом. Вряд ли кто-либо из большевиков стал бы безусловно отрицать необходимость революционного свержения партийного правительства в том гипотетическом худшем случае, когда дальнейшее пребывание этого правительства у власти угрожало бы перерождением революционной рабочей партии в реформистскую, оппортунистическую, либеральную и вообще в какую-нибудь «собственную противоположность». Весь вопрос заключался именно в том, есть ли налицо такие уклоны со стороны выбранных съездом центров, которые заставляют опасаться всех худших последствий измены со стороны этих центров делу рабочего класса? Если в борьбе «меньшинства» с «большинством» этот худший случай уже наступил (когда же именно? На съезде, где меньшинство обещало быть лояльным? Или сейчас же после съезда, когда меньшинство вступило на путь бойкота центров партии и безудержной борьбы с ними?), если момент для внутрипартийных «переворотов» назрел, то прежде всего следовало бы просветить всю Партию на этот счет и указать на явные признаки угрожающего ей перерождения, благодаря измене со стороны центров принципам социал-демократии. Сделало-ли это меньшинство? Выявила-ли оппозиция, начав борьбу против партийных центров, свои принципиальные разногласия с «большинством», которые могли бы оправдать его тактику «бунта» против «неспособной» или «предательской власти»?

Гм... как будто пыталась выявить, но именно эта попытка как раз и выдавала всю политическую убогость оппозиции,

*) Там же, стр. 9.

всю вздорность ее невероятных претензий. В основу своего принципиального оправдания борьбы с «ленинизмом» Мартов положил один единственный лейт-мотив: Ленин—создатель гипертрофированного централизма в Партии, Ленин стремится поставить иначе мыслящих под знак «осадного положения», Ленин—«бюрократ», «самодержец», «бонапартист», и т. д., и т. д. Эти бесконечные вариации на тему о создавшемся в Партии, благодаря Ленину, бюрократическом режиме, выдавались за ту самую принципиальную подоплеку внутрипартийного конфликта, которая и должна была объяснить страстность борьбы меньшевиков из-за перемены состава центров, то-есть, проще говоря, из-за местечек для них в Ц. О. и Ц. К.

«При централистическом характере партийной организации, при значительной власти, которою наделены «центры», это (т.-е. подавление всякой оппозиции. П. Л.) должно означать систематическое давление сверху на все элементы, проявляющие самостоятельность и «оппозиционное» настроение. Пропаганда действительно революционного централизма и критика политики «осадного положения» должна будет, следовательно, привести к хроническому конфликту между центральными учреждениями и отдельными частями Партии. За это нам ручался не столько состав Ц. К., сколько условия, при которых произошли его выборы, и мандат, который он получил от тов. Ленина», и т. д. *).

Таков диагноз и прогноз «болезни», сделанные Мартовым.

Но, прежде всего, где же факты? Где и когда случилось—это «подавление всякой оппозиции»?

А как же?—вскидывает бровью Мартов.—Забыли, что ли? А на съезде-то Лиги?.. Разве забывали, как Васильев в'ехал на белом коне (намек на неудавшуюся попытку представителя Ц. К. удержать лиговских анархистов в рамках подчинения совершенно законным требованиям Ц. К.)? А потом еще... Ну, вот хотя, бы эта самая политика Васильева—навязать Лиге сверху устав... Затем... Да вот, например, в'езд Ц. К. в Лигу на белом коне... Впрочем, кажется, я об этом уже сказал...

— «А рассказывание» человек? — подсказывает Плеханов.—Помните—мечты уральцев о «расскассировании»?..

Совершенно невозможно было бы бороться всерьез с меньшевиками путем отвода такого рода обвинений, рассчитанных или на то, чтобы оглушить аудиторию потоком громких фраз («бонапартистский акт», «якобинец» «Робеспьер», «расскассирование» и т. д.), или на спекуляцию неудачными выра-

*) Там же, стр. 22.

жениями каких-нибудь злополучных уральцев *), или просто на то, что от всякой клеветы и сплетни что-нибудь, в конце концов, да останется. Реагировать на выпады меньшевиков против «большинства» с точки зрения опровержения их «фактических» указаний на случай «грехопадения» большевистских «заезжателей» можно было лишь на манер галеркинских насмешливых памфлетов. И да позволено будет нам здесь привести одну-две выписки из этой галеркинской литературы для иллюстрации стиля и полемической манеры большевистских «драчунишек», после того как Ленин устал, наконец, от Сизифовой работы по восстановлению истины, беспрерывно истязаемой пером меньшевистских вождей (благо папиросная бумага новой «Искры» с ее левиафанами-приложениями все терпела!) и, в конце концов, понял, что заниматься этим делом — значило бы помогать новоискровским борзописцам приписывать себе честь практического разрешения проблемы «вечного движения» — по крайней мере, в области «кооптационной» полемики.

В своей брошюре «Наши недоразумения» Галерка (литературный псевдоним М. С. Ольминского) признается, что он «проникся сильнейшим предубеждением против большинства за его бюрократизм, бонапартизм и практику осадного положения».

— «Я готов был, — исповедуется дальше автор, — растерзать Ленина за его фразы об осадном положении и кулаке. Оставалось прикинуть к меньшинству. Но вот беда: я не мог найти в печати указания на такие общие принципы, которые по своей ясности, важности и неотложности оправдали бы революционный образ действий по отношению к съезду и его постановлениям. Легко смотреть на решения съезда можно только в том случае, если видеть в нем не съезд, а съюз, как выражается Рязанов, но принять взгляд Рязанова я по совести не мог. Оставалось выбирать одно из двух:

Первое: Подвергнуть себя тирании осадного положения, подчиниться требованию «слепого повиновения», «узкому толкованию партийной дисциплины», возведения принципа «не рассуждать» в руководящий принцип; признать за высшими учреждениями «власть приводить свою волю в исполнение чисто механическими средствами» и т. д. (см. протоколы съезда Лиги, предисловие Дана и Лесенко, стр. VI).

Второе: Стать под знамя восстания, помочь разрывать уже с'организованную Партию, и не в силу расхождения в основных принципах, а из-за недовольства деталями устава и способом его применения.

Ни туда, ни сюда. Положение трагическое.

*) Плеханов и другие меньшевики очень усердно муссировали «бонапартистскую» мысль представителей уфимского, средне-уральского и пермского комитетов, выразившуюся в фразе: «Центральный Комитет может.. если найдет нужным и полезным, своей властью раскассировать комитет, или другую организацию, он может лишить того или другого члена партии его прав». Мысль сама по себе, признаться сказать, совсем не страшная, но выражена действительно неудачно.

Читаю дальше. Протоколы съезда Лиги: — «Циркуляр Ц. К.»... и т. д. Читаю и негоую: «вот он, дезорганизаторский бюрократизм: не успели обнести мундиры, а уже строчат циркуляры». Ищу бонапартизма в содержании циркуляра и узнаю, что Ц. К. обратился к Лиге с приглашением помочь преобразованию Лиги с целью: а) допустить в нее бывших борбистов, рабочедельцев и т. п. б) образовать по городам секции Лиги «с большей или меньшей автономностью».

Дезорганизаторское третирование (см. Аксельрода) и... желание облегчить доступ в партийные организации представителям всех социал-демократических течений. Требование слепого повиновения и... автономия секций. Тут что-то не так... В новом уставе Лиги об автономии секций ни слова: кто же были эти бонапартисты, помнявшие провести принципы автономий? Во всяком случае, если Ц. К. допустил борбистов и рабочедельцев, то и мне не запретят «рассуждать». Так рассеялся один из кошмаров, давивших меня после прочтения предисловия к протоколам съезда Лиги. Я начал понимать, какое большое место в речах и статьях меньшинства занимает белл-тристичка... «Скажу яснее. Я заявил, что, оставляя пока про себя, как не относящееся к делу, свою оценку действия большинства и меньшинства на съезде и после съезда, я не вижу в настоящее время оснований к революционному образу действий против учреждений, избранных съездом. Этого оказалось вполне достаточно, чтобы встретить самое лучшее товарищеское отношение со стороны большинства, чтобы получить работу по своим силам и вкусу, без всяких ненужных стеснений. По личному опыту и по наблюдению я убедился, что страшные слова: «бюрократизм» и т. д.—по меньшей мере недоразумение».

Как смешны кажутся Галерке жалкие потуги противопоставить друг другу меньшевистскую добродетель и большевистский порок! Он с большим юмором разворачивает фракционную схему Мартова в сравнительной таблице:

«Чего хотят».

ДОБРОДЕТЕЛЬНЫЕ.

(По старой терминологии—меньшинство).

- 1) Пролетарской партии.
- 2) Разносторонней социал-демократической тактики, развивающей элементы такой Партии.
- 3) Политической самостоятельности пролетариев.
- 4) Почитания родителей, законных браков, воспитания детей.

ПОРОЧНЫЕ.

(По старой терминологии—большинство).

- 1) Организации интеллигентских руководителей несознательных пролетарских масс.
- 2) Упрощенной тактики «вовлечения масс» в общереволюционную борьбу с самодержавием на неизменном, базисе политической пассивности передового слоя пролетариата.
- 3) Вечной опеки над пролетариями непролетарской организации.
- 4) Неуважения к родителям, осквернения деэ, разбивания младенцев о камни.

Сделав эту наглядную таблицу добродетелей, с одной стороны, и злодейств—с другой, автор радостно констатирует, что

на платформе добродетельных все сойдутся, и единство в Партии будет восстановлено. Вот только этот пункт № 4... Как он сюда попал?

«Теперь нужно объяснить,—с лукавым огоньком в глазах признается Галерка, — зачем я добавил четвертый пункт. Как Сервантес убил рыцарские романы своим Дон-Кихотом, так Мартов сокрушил злодеев из большинства своей пьесы в № 69 «Искры». Но уж если бить, то на смерть. Я хотел помочь Мартову усилить эффект его мелодрамы. Ведь если изобразить мелодраматического злодея не во всех сферах его жизни, то у зрителя может зародиться подозрение, что данный герой, будучи злодеем в общественной жизни, у себя дома является примерным семьянином. От такого подозрения один шаг до сочувствия, особенно если у зрителя есть дочери-невесты. Нет! Уж если злодей, то злодей во всем и всегда,—таково неизменное требование мелодраматического искусства».

Все это было бы, действительно, очень весело, если бы от мартовской мелодрамы не веяло подлинно большой драмой. Ведь Партию-то от меньшевистских росказней продолжала бить жестокая лихорадка... Ведь от той белиберды, которой заполнялись страницы новой «Искры», по партийным каналам продолжала идти отравя, угрожавшая Партии параличем и даже смертью... К счастью, партийный организм (большинство сознательных рабочих, большинство комитетов) не разложился, не погиб и, в конце концов, изжил мартовско-аксельродовскую и плеханово-дановскую инфекцию...

V. Наиболее честная разновидность новоискровского «нигилизма».

Как ни странно это может показаться, но был один единственный меньшевик, не боявшийся ставить спорные вопросы ребром и давать на них ответы, в которых чувствовалась тенденция поднять полемику между меньшевиками и большевиками до уровня принципиального спора. Этим меньшевиком был молодой Троцкий.

Он первый открыто поставил вопрос о переоценке старых ценностей и, прежде всего, старой «Искры». И он был несомненно прав, потому что, не отмежевываясь самым решительным образом от староискровских традиций, не признавши ошибочным в самом зародыше староискровский «ленинизм», никак нельзя было с чистой и спокойной совестью подвергать жестокой критике ленинскую линию послеездовского периода,—ту линию, которую меньшевикам волей-неволей приходилось признавать продолжением ленинского направления, характеризовавшего и старую «Искру».

И никто из меньшевиков, кроме Троцкого, не поставил прямо вопроса: да уж подлинно ли старая «Искра» была вождем рабочего класса? Не являлась ли она просто резо-

натором революционной шумихи радикальной интеллигентской демократии?

А поставивши такой вопрос, Троцкий на него отвечает: «Когда Ленин подсовывал Каутскому абсурдные представления об отношении «стихийного» и «сознательного» элементов в революционном движении пролетариата, он просто грубыми мазками рисовал задачу своего периода. Он обращался к интеллигенции, которая одна только и составляла аудиторию (курсив мой. П. Л.) «Загн», да и «Искры», как «Искры»... (Троцкий, «Наши полит. задачи», стр. 20).

И это не просто полемическая фраза, а нечто такое, что вытекает из глубоко продуманной схемы молодого талантливого новоискровца, орлиным взором осматривающего пройденные социал-демократией этапы. По этой схеме—группа «Освобождение труда» с успехом выполнила дело пропаганды научного социализма. «Экономисты» своей агитацией способствовали стихийному возбуждению городских масс; приемы этой агитации «предназначены были на то, чтобы пробудить элементарные революционные инстинкты, недрящиеся в «стихийно» слагающейся классовой психологии пролетариата. «Искра» же «непосредственно не руководила пролетариатом», и это обстоятельство сказалось «в полной недоступности для «Искры»—непосредственно оплодотворить движение самого пролетариата тем идейным вкладом, который она вносила в сознание революционной интеллигенции» (стр. 23). Что же касается практики революционной работы искровцев, то «мы» повторяем не только «экономизм», а еще хуже—подошли «в нашей политической работе к преданной анафеме программе «Credo» гораздо ближе, чем к ней подходили сами «экономисты» (стр. 37). Ох, уж эта старая греховодница «Искра»... К счастью, «т. Аксельрод снова выступил в конце периода «Искры», чтобы сказать: довольно!» «Фельетоны Аксельрода в №№ 55 и 57 «Искры» знаменуют начало новой эпохи в нашем движении» (стр. 25)*).

Поставив таким образом старую «Искру» на заслуженную ею историческую полочку (в своем роде — демократическая, дескать, газетка для буржуазно-радикальной интеллигенции, и больше ничего!), Троцкий прививается затем за «истолкование» вдохновителя статей «Искры»—Ленина. Историческая роль Ленина оценивается им, как «отдумывание» за пролетариат, как «политическое замещение проле-

*) Эти «знаменитые» фельетоны до такой степени нестерпимо скучны что было бы актом жестокости погружать мысль современного читателя в бездну их талмудической премудрости. Впрочем, желающие могут познакомиться с достоинствами этих меньшевистских посланий «от апостола Павла» по тем страницам в «Млагах» Ленина, которые посвящены их разбору (см. собр. соч. Ленина т. V).

тарната». Система такого заместительства исходит «из фальшивого» «софистицированного» понимания отношения между объективными интересами пролетариата и его сознания» (это все то же знаменитое место в «Что делать», которое смутило столько народу, начиная с Акимова и Мартынова и кончая несколько поздно слохватившимся Плехановым). Отсюда для Троцкого все понятно: и организационный идеал Ленина (который автору «Наших полит. задач» картинно рисуется так: «Где-то наверху, высоко-высоко, кто-то кого-то куда-то заточает, сменяет, кого-то душат, кто-то себя кем-то провозглашает»), и машинизм ленинского организационного плана (разделение труда, «винтики», «колесики» — совсем как на фабрике), и проповедь «фабричной дисциплины» взамен дисциплины революционно-политической, и многое другое.

Впрочем, во всем этом Троцкий недостаточно еще оригинален и подхватывает лишь мысли и словечки своих старших товарищей по фракции. Он даже усваивает себе иногда очень плохой тон Мартова по части «свободы языка». А вот где юный неопит ново-искровства становится действительно оригинальным. Еще на втором съезде Партии, возражая Акимову, которому очень не по вкусу пришелся пункт программы о диктатуре пролетариата, он утешает своего, как казалось тогда, политического антипода: «Его (Акимова) пугает диктатура пролетариата, как якобинский акт. Он забывает, что эта диктатура будет возможна лишь тогда, когда социал-демократическая Партия и рабочий класс — провозглашение которых его так смущает — будут наиболее близки к отождествлению»... (Курсив мой П. Л.).

И эта яркая, выдухляя формула искровца Троцкого проходит как-то незаметно для ушей таких старых воробьев революционного марксизма, как Плеханов и Ленин (а может быть, им просто было невыгодно тогда внимательно вслушиваться в нее и по достоинству тут же реагировать на нее?), но Акимов-то во всяком случае не пропустил ни единого слова из этой тирады. Неудовлетворенный узкими рамками словопреений на съезде, Акимов позволил себе роскошь написать обстоятельную брошюру: «К вопросу о работах 2-го съезда Р. С. Д. Р. П.», и в этой брошюре на стр. 68 говорит: «Троцкий высказал свой взгляд на «диктатуру пролетариата», с которым я совершенно согласен, но именно поэтому-то я и считаю нашу программу плохо передающей мысль о завоевании политической власти. «Его пугает диктатура пролетариата, как якобинский акт». Да, именно... Оказывается, что многие смешивают диктатуру пролетариата с диктатурой над пролетариатом»... Очень любопытно еще следующее местечко в подстрочном примечании к вышеприведенной

цитате: «На с'езде и в комиссии я высказывал опасение, что пункт программы о завоевании пролетариатом политической власти может быть понят многими в известном смысле, нежелательном ни мне, ни Троцкому. Троцкий ответил мне, что я напрасно «пугаюсь»...

Одним словом—о, дружба, это ты!

Можно, конечно, сомневаться, что Троцкий благожелательно принял этот Акимовский поцелуй, но и в брошюре «Наши полит. задачи» у него не наблюдается тенденции достаточно резко отмежеваться от присоседившегося к нему «союзника».

В главе «Диктатура над пролетариатом» он развивает ту идею, что диктатура пролетариата осуществится, как захват власти самостоятельным классом, а не как диктатура Партии над классом, а тем более не как диктатура отдельных лиц над Партией. Он не может себе представить пролетариат в момент социальной революции иначе, как единое сплоченное целое, отождествленное со своей Партией. Если бы пролетариат во время социальной революции оказался еще разделенным на концентрические слои и если бы революционный процесс захвата власти стал проходить с известной последовательностью от наиболее сознательных слоев рабочего класса (от центра) к периферийным отсталым слоям, то это был бы уже акт заговорщической революции, «акт авантюристического якобинства»: «Коммуна (Парижская) показала, что единственным базисом не-авантюристической социалистической политики может быть только самостоятельный пролетариат, а не класс, которому привито «настроение» в пользу сильной власти». Оттого-де Коммуна (по убеждению автора брошюры) и погибла, что она страдала доктринерским якобинизмом.

В связи с этими общими рассуждениями о природе пролетарской революции у Троцкого вытекает взгляд и на строительство Партии при осуществлении диктатуры пролетариата.

«Задачи нового режима так сложны, что они могут быть решены не иначе, как путем соревнования разных методов экономического и политического строительства, путем долгих «споров», путем систематической борьбы не только социалистического мира с капиталистическим, но и различных течений внутри социализма, течений, которые неизбежно появятся, как только диктатура пролетариата выдвинет десятки и сотни новых, никем не предвиденных проблем. И никакая «сильная, властная организация» не сможет в целях ускорения и упрощения процесса подавить эти течения и разногласия, ибо слишком ясно, что пролетариат, способный к диктатуре над обществом, не потерпит диктатуры над собой»... (стр. 105).

К чести автора «Наших полит. задач» нужно сказать, что у него получилась довольно законченная и закругленная концепция, чего долгое время никак не удавалось добиться остальным новоискровцам. Он был, как нам кажется, вполне последователен, выявляя после съезда тот свой символ веры, который был выношен его политической мыслью, и в те времена, когда он шел еще вместе со староискровцами. История внесла впоследствии ряд существенных поправок в его теоретические построения. Та же история не поспешила оправдать и некоторых его пророчеств. «Разочарованные,— заканчивает он свою брошюру заключительным аккордом,— они (т. е. большевики. П. Л.) уйдут от нас—одни в реформизм, другие в анархизм, и, если нам доведется столкнуться с ними на перекрестке двух политических дорог, мы напомним им об этом предсказании».

Много времени ушло с тех пор, когда рука юного Троцкого выводила пером эти «пророческие» слова. Много оказалось «разочарованных» и ушедших в реформизм (достаточно, например, вспомнить ту породу меньшевиков, которая была известна под кличкой ликвидаторов). Но с большевиками т. Троцкий встретился на перекрестке великой октябрьской революции,—встретился, как друг, как брат, как товарищ, как общепризнанный один из преданнейших вождей пролетариата, а не как дошедший до логического конца новоискровец, насмешливо напоминающий Ленину и тем, иже с ним, о своем вещем предсказании в лето 1904 года.

П. Лепешинский.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
1.	
От кружковщины к партии (Период старой «Искры») ст. П. Лепешинского.	
Предварительное замечание.	5
I. Экономическое положение России в начале XX в.	6
II. Искровские «фронты».	8
1. Борьба с самодержавием.	—
2. Борьба к революционным авантюризмом . . .	19
III. На фронтах внутрипартийной борьбы. . . .	28
IV. «Искра» в роли передового борца за демо- кратию.	44
V. Рабочее движение и революционный под'ем пролетариата (1900—1903 г.г.).	66
1. Общие условия труда в России в начале XX в.	—
2. Безработица и революционный под'ем рабо- чего класса	86
VI. Организационное строительство «Искры» . .	103
1. Организационные принципы «Искры» . . .	—
2. Заграничные организации русских социал- демократов	107
3. Рост с.-д. организации в России	113
4. Деятельность Организационного Комитета.	127
II	
Протоколы второго с'езда партии.	
Программа Российской соц.-дем. партии, принятая на втором с'езде партии.	1
Организационный устав Российской соц.-дем. рабочей партии, принятый на втором с'езде партии	7
Порядок дня с'езда.	9
Регламент с'езда	10

Бюро и комиссии съезда	10
Главнейшие резолюции, принятые на втором съезде Российской соц.-дем. рабочей партии.	11
О месте Бунда в партии.	—
О центральном органе партии	—
О районных организациях	12
О местных организациях	—
О работе среди сектантов	—
О показаниях на следствии	—
Об отношении к либералам (Старовера)	—
Об отношении к либералам (Плеханова).	13
О социалистах-революционерах	—
О демонстрациях.	14
О профессиональной борьбе.	15
Об антиеврейских погромах.	—
О фабричных старостах.	16
О постановке пропаганды	—
Об отношении к учащейся молодежи	—
Об Амстердамском конгрессе	17
О партийной литературе	—
Заседание первое	18
» второе	29
» третье	38
» четвертое	51
» пятое.	60
» шестое	74
» седьмое	90
» восьмое.	96
» девятое.	112
» десятое.	124
» одиннадцатое.	137
» двенадцатое.	140
» тринадцатое.	—
» четырнадцатое	141
» пятнадцатое.	147
» шестнадцатое	154
» семнадцатое.	161
» восемнадцатое.	166
» девятнадцатое.	174
» двадцатое.	192
» двадцать первое	203
» второе	218
» третье	226
» четвертое	237
» пятое	242
» шестое.	251
» седьмое	258
» восьмое	269
» девятое	281

	Стр.
Заседание тридцатое.	288
» тридцать первое.	304
» » второе.	313
» » третье.	317
» » четвертое.	318
» » пятое.	321
» » шестое.	324
» » седьмое.	328
Приложение первое.	340
» второе.	346
» третье.	—
» четвертое.	—
» пятое.	347
» шестое.	349
Объяснительная записка к проекту устава II съезда Р. С.-Д. Р. П.	351
Приложение седьмое.	356
» восьмое.	357
» девятое.	—
» десятое.	360
» одиннадцатое.	363
Члены съезда и лица с совещательным голосом.	365
От комиссии.	367

III.

Примечания к Протоколам второго съезда.	371
---	-----

IV.

После съезда (1903—1904 г.г.), ст. П. Лепешинского.

I. Реванш меньшевистской оппозиции на съезде Лиги	391
II. «Меньшинство» овладевает вторым фортком.	395
III. Новое торжество в лагере меньшевиков	399
IV. Усердные поиски «меньшинством» принципиальных разногласий	409
V. Наиболее честная разновидность новоискровского «нигилизма»	414